

Чернобыльские свидетельства

Суббота 26 апреля 1986 года мне не запомнилась. Но вот что было через день, врезалось в память навсегда. Я играл с детьми в соседнем дворе, вдруг прибежала взволнованная мама, забрала домой, помыла мои ботинки мыльным раствором и несколько дней не выпускала на улицу. Оказывается, ей позвонила из Минска подруга, муж которой работал «в органах», и сообщила: случилось что-то страшное. Так я узнал о Чернобыле. Мне было неполных 9 лет.

О той трагедии написано немало – и правды, и лжи. В 25-ю годовщину катастрофы на ЧАЭС мы решили обратиться к трем разным людям, которых незримо связал Чернобыль. Каждый на своем участке, они выполняли свою работу, свой долг, видели события с разных сторон, и теперь вместе воссоздают единую картину: журналист, радиолог и руководитель области.

Виктор ЛОВГАЧ, журналист.

В 1986 году – председатель Гомельского областного комитета по телевидению и радиовещанию, в настоящее время – главный редактор Информационного бюллетеня Администрации Президента Республики Беларусь:

— Незадолго до аварии я получил новую интересную работу, осваивался. В те выходные мы с женой и детьми ездили в Жлобинский район к родственникам. Авария произошла где-то в половине второго ночи. Сразу никто, вероятно, не знал о случившемся, за исключением самих работников станции и пожарных. Даже в понедельник еще никакого аврала не было. Но уже кое-какие слухи стали появляться. Отселение началось практически сразу, особенно беременных женщин и маленьких детей стали увозить.

Конечно, люди не понимали, что случилось. Все знали – радиация опасна для организма, но поначалу большого значения аварии не придали. Кстати, тут же стали говорить, что Полесье якобы расположено на залежах урановой руды. В тех местах и раньше был повышенный радиационный фон – на это списывали неурожай. В Лельчицком районе есть деревня Глушковичи, где расположен гранитный карьер. Так в

той деревне было 11 матерей-героинь, а в каждом из 600 дворов росло по 6–7 детей. И местные жители тоже связывали это с радиацией.

Самыми опасными были первые восемь дней после аварии, когда еще не распался радиоактивный йод. Моя жена работала в аптеке, им дали поручение готовить порошки с йодом. Они трудились день и ночь. Но было уже поздно.

Я хорошо понимал, что такое радиация. В армии мне пришлось служить командиром взвода радиационно-химической разведки. Так что, когда после аварии получил прибор ДП-5, то умел с ним обращаться.

Яков КЕНИГСБЕРГ, профессор.
В 1986 году работал заведующим лабораторией Института экспериментальной ветеринарии. В настоящее время – председатель Национальной комиссии по радиационной защите при Совете Министров Республики Беларусь, заведующий лабораторией радиационной безопасности РНПЦ гигиены Министерства здравоохранения:

— Это случилось в ночь с пятницы на субботу. Выходные тоже прошли спокойно. В понедельник, когда пришли на работу, мне позвонил мой однокурсник, который трудился в соседнем корпусе, и говорит: «Представляешь, как не везет. Только в пятницу уехал московский наладчик оборудования. Он устанавливал оборудование для радио-

иммунного анализа. Сейчас включаю установку, а фоновые показатели 800 вместо 50». Я включил свой прибор и на всякий случай дозиметр. Что такое? Фон высокий! Включаем другие дозиметры – все то же самое показывают. Проверили за окном – еще больше. Позвонил приятелю и сказал, что с оборудованием все в порядке, просто где-то что-то произошло. Разыскиваю нашего физика. А его нет на работе. Звоню его жене, она говорит, что муж уехал ночью и где он – неизвестно. Потом уже стали слушать иностранные «радиоголоса». Назавтра вернулся к концу дня коллега-физик: он летал на вертолете в Чернобыль, и все нам рассказал. Приборы мы уже не выключали. А физик жив по сей день и неплохо себя чувствует.

Алексей КАМАЙ, партийный, советский государственный деятель.

В 1986 году – первый секретарь Гомельского обкома КПБ.

– К апрелю 1986-го я на должности первого секретаря был год. До этого три года работал председателем Гомельского облисполкома. О случившемся узнал от первого секретаря Брагинского райкома партии Панькова. Он позвонил и сказал, что произошло серьезное происшествие в Чернобыле, потому что один наш пожарный получил ожоги и находится сейчас в больнице. Затем раздались тревожные звонки от первых секретарей Хойникского и Наровлянского райкомов партии. Я связался с председателем Совмина БССР Михаилом Васильевичем Ковалевым. Он подтвердил, что произошло ЧП, но о масштабах информации нет. Мне позвонил и первый секретарь ЦК КПБ Николай Никитович Слюньков, который подтвердил факт аварии. После этого я взял вертолет и полетел в ту зону. Как только перелетели Брагин, командиру воздушного судна последовала команда срочно разворачиваться, так как подлет к Чернобылю запрещен. Я начал возмущаться, но пилот подчинился требованию диспетчера. Однако за Брагином уже были видны клубы пепла и дыма.

«ПАНИКИ ОСОБОЙ НЕ БЫЛО, НО И МЕРЫ ПРИНИМАЛИ ЖЕСТКИЕ...»

Виктор Ловгач: Работа СМИ, как и органов власти, была перестроена. Например, выпуски областного радио всегда выходили в 6.40 утра, когда был перерыв на республиканском радио, но после аварии мы увеличили вещание и стали выходить три раза в день, изменило свою работу и районное радио.

Было очень тревожно. Помню, сидел в кабинете первого секретаря Гомельского обкома партии Алексея Степановича Камая, и он все время связывался с Минском. Там отслеживали ситуацию. Это было 7 или 8 мая. Вот-вот что-то должно было случиться. Говорили, что в районе Гомеля стояло 70 эшелонов, чтобы эвакуировать город. Конечно, если бы случился ядерный взрыв, то «хватило бы» не только Гомелю, но и всей Европе. Камай сказал: «Жди. Пока ничего не будем сообщать». И вдруг звонок, и Алексей Степанович говорит: «Слюньков сказал, что опасность миновала. Самое худшее позади».

Совершенно изменился ритм жизни. Паники особой не было. Но и меры принимались жесткие. Кстати, показательно название первого после аварии документа обкома партии «О проявленной безответственности руководящих работников облпотребсоюза в обеспечении сельского населения области продуктами питания».

У меня дочь вывезли в Пензу. Она два с лишним месяца была там в пионерском лагере. А младшая дочь осталась. Маленьких детей куда денешь? Несмотря на страх перед радиацией, к ситуации стали привыкать. Жизнь продолжалась. Горбачев выступил

Работы по дезактивации территории Чернобыльской АЭС в первый день после аварии

по телевидению, успокоил людей. Стало больше появляться информации о происходящем, но люди не особо верили. В Гомель приехал профессор из Москвы Виктор Александрович Книжников. Он выступал по телевидению, постоянно разъяснял, что такое радиация, какие дозы опасны.

Алексей Камай: В Гомеле сразу после первого известия собрались члены бюро обкома, и мы стали обсуждать меры реагирования. Дали команду с 27 апреля прекратить все полевые работы в Брагинском районе. Решили начать эвакуацию беременных женщин и детей из прилегающих районов. Эта работа закончилась к 30 числу.

Все решения предварительно обсуждались на суженном заседании. Возглавлял его первый секретарь обкома партии, а входили председатель облисполкома как начальник гражданской обороны, начальник управления КГБ, начальник УВД и прокурор. Все документы оформлялись как совершенно секретные. А затем эти решения принимались соответствующими местными органами.

29 апреля в область приехал Слюньков. Он имел полную информацию о ситуации. Обсуждался вопрос о принятии юридического решения об отселении. До этого мы всё делали самовольно, без санкции ЦК КПСС и Совета Министров СССР. А без их решения никто не имел права перемещать население. Почему мы приняли такие решения без санкции? Было интуитивное ощущение, что произошло нечто чрезвычайное. Уже сами поездки по этой зоне показали, что информация поступает неполная, она скрывается, а трагедия, по-видимому, великая.

Хочу сказать, что эвакуация Гомеля не планировалась, и даже такой вопрос не обсуждался. Откуда эти эшелоны и вагоны, которые стояли у Гомеля? 138 тысяч детей из Гомельской области были отправлены на отдых по всему Советскому Союзу, вместе с сопровождающими, медсестрами, службой питания. Поэтому вагоны по заказу присылали в Гомель для отправки детей.

По Брагину ситуация иная. Вопрос об отселении города обсуждался в ЦК КПСС,

и было принято устное решение, что если дезактивация Брагинского района не даст тех результатов, на которые рассчитывают ученые, то Брагин придется отнести к зоне, предназначенной для последующего отселения. Были категории таких отселений: от 25 до 40 кюри на квадратный километр – это зона первоочередного отселения, от 15 до 25 кюри – во вторую очередь, от 5 до 15 кюри – зона свободного отселения по желанию, а ниже 5 кюри – зона периодического контроля. Такие нормы действуют и сейчас. По состоянию на конец октября 1986 года, после проведения дезактивации, анализы показали, что уровень загрязнения территории в Брагине не соответствует категории отселения.

6 мая я проводил заседание штаба в Хойниках. Мне последовал звонок где-то в 6 часов вечера – вызвали на Бюро ЦК КПБ. Было ясно, что ситуация сложная: температура внутри реактора не падает. Специалисты составили карту, из которой было видно, что возможный взрыв затронет и Гомель, и Жлобин, и Бобруйск. Радиус поражения – 250 км, из которых 100 – очень тяжелые последствия. Были даны указания на этот случай, самые тревожные указания. Я приехал ранним утром в Гомель, собрал совещание в суженном составе и отдал экстренные распоряжения. До часа дня мы разъехались, я отправился в Лоев: условились к 14.00 вернуться и готовить торжественное заседание ко Дню Победы. А потом пошли звонки. Позвонили Слюньков и Лигачев – самое худшее было позади. Как гора с плеч свалилась!

Яков Кенигсберг: Уже в первой половине мая мы организовали бригаду добровольцев в институте. Приехали в Гомельский облисполком, но отправиться в Брагин, куда мы хотели, нам не позволили, поскольку тогда действительно решался вопрос об отселении города. Нас направили в Хойники, где находился республиканский штаб по ликвидации последствий аварии.

Мы работали в зонах, в том числе внутри «тридцатки», в других населенных пунктах, на мясокомбинатах, молочных заводах: отбирали пробы, проверяли продукты питания. У нас были контрольные точки в разных местах. Две недели там, две недели в Минске – обработка проб, сдача отчетов и – по новой на Гомельщину. Я так ездил до глубокой осени.

Группа ликвидаторов готовится выйти на крышу поврежденного реактора. Апрель 1986 года

Продуктов было забраковано огромное количество. Весь скот из 30-километровой зоны пустили под нож. И правильно сделали. Молоко проверяли на молокозаводах, измеряли уровень загрязнения и в продажу не выпускали. Пускали на сухое молоко, потому что йод через два месяца распадется вообще. Или перерабатывали на масло, при переработке уровень загрязнения уменьшался. Каждую мясную тушу проверяли. Были разные клейма для разной пригодности мяса. Непригодное грузили в эшелоны и отвозили в могильник, где его захоранивали.

Мы себя ощущали совершенно спокойно. Какой мог быть страх? Мы с радиацией работали уже много лет.

Кстати, это правда, что на Полесье повышенный фон радиации был и до чернобыльской аварии. Но урановые залежи здесь ни при чем. До Московского соглашения 1963 года СССР, США, Великобритания и Франция производили наземные, надвод-

Работники станции убирают обломки с крыши третьего реактора Чернобыльской АЭС. Апрель 1986 года

ные и воздушные испытания ядерного оружия. Большое количество радиоактивных веществ поднималось в стратосферу, вращалось вокруг всего земного шара, а потом опускалось на землю. Это так называемые глобальные выпадения. По Советскому Союзу было две опасные зоны выпадения: Приполярье – район тундры и белорусско-украинское Полесье. Туда были направлены специальные экспедиции, позже изданы открытые исследования. Сейчас они переиздаются в России. Было определено содержание цезия в почве, растениях, организме людей и в продуктах питания. На белорусско-украинском Полесье, как известно, болота и пески, то есть бедные почвы, которые имеют аномально высокие

коэффициенты перехода цезия по пищевой цепочке. Все это попадает затем к животным, в молоко, мясо, в организм человека. Хотя количества радионуклидов были не такие высокие, как после Чернобыля. Никаких мер по защите людей не принималось – просто приняли это, как явление.

После самой аварии ситуация была неясной. Один из возможных сценариев действительно был очень неблагоприятный. Предполагали, что мог произойти паровой взрыв. Это не термоядерный взрыв, но выброс был бы очень большой. И город Гомель попал в зону сильного воздействия. В Киеве была жуткая паника. На площадку были срочно переброшены шахтеры из Донецка и Ростова. Они копали под землей тоннель с тем, чтобы выйти под днище реактора и охладить жидким азотом. Они туда вышли, но выяснилось, что, слава богу, оседание не происходит.

ОТСЕЛЕНИЕ

Алексей Камай: Когда приехал первый секретарь ЦК КПБ Слюньков, из моего кабинета он разговаривал с председателем Совмина СССР Рыжковым и настаивал на срочном решении об отселении. Из разговора стал ясен трагизм ситуации. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли решение об отселении населения из 30-километровой зоны 2 мая и завершении его до 5 мая.

На тот момент практически в части Брагинского, Хойникского и Наровлянского районов мы отселили уже не только те населенные пункты, которые входили в зону отселения, но и те, которые примыкали к ней. Скажем, есть хозяйство – часть попала в зону, а часть нет, мы всё его отселяли. Было принято решение после 5 мая вахтовым методом завершать сельскохозяйственные работы. Люди выезжали на 10 дней на работы. Было принято специальное постановление Совета Министров БССР, где были установлены регламенты работы вахты.

Близко к этой зоне была деревня Красное, но она оказалась одной из самых чистых. В зону отселения попала деревня Гдень, а когда провели дезактивацию, то пришлось всю деревню возвращать назад. Таких случаев было несколько.

Меня заботило, чтобы не произошла паника. Ежедневно я находился в одном

из районов. В момент отселения в деревне Посудово был такой случай. Люди не хотели уезжать. Говорят, если выпьете кружку воды из загрязненного колодца, тогда поедем. Я ее выпил. А они все равно не едут. Пришлось даже крутые меры принимать.

Упрекают, что часть населения переселили в зоны, которые затем также оказались с повышенным загрязнением. Но не мы определили эти зоны: вопрос решался в Минске на уровне Совмина с привлечением всех специалистов, в том числе Минздрава, гражданской обороны. Все согласовывали, визировали. Построили, прошел год, взяли пробы. Оказывается, в этом месте свыше 5 кюри на квадратный километр, то есть зона постоянного контроля. Если бы мы знали полную радиационную обстановку, то решения принимали бы более точные. Но, конечно, не желали, чтобы люди уезжали из области, учитывали распределение трудовых ресурсов. Потом многие, кстати, вернулись в Гомель. Можно было эти моменты более организованно решить.

Я очень признателен всем партийным, советским и хозяйственным кадрам, учителям, медикам. Все как-то очень внимательно относились ко всему произошедшему.

Виктор Ловгач: Я был ответственным за выселение деревни в Брагинском районе. Представляете, что такое выселить деревенского жителя? Это отлучить его от корней – дедов и прадедов, от своей усадьбы, родной земли. Нельзя было брать с собой живность: скотину резали и закапывали. Даже костюм нельзя было забрать из-за радиации. И одна картина до сих пор стоит перед глазами. Старая женщина, бабушка совсем, обхватила печь: «Ой, ты ж моя кормилица, да как же я без тебя буду?!» А потом мы, ответственные, должны были ездить и смотреть, как переселенцев обустроили на новом месте. Мне выпало выехать в Октябрьский район, где раньше работал в районной газете. И вот видим: стоят дома, деревьев нет, зелени нет. Люди, как лунатики, ходят по огороду – сажать-то уже поздно было. Кругом всё и все чужие. Притом попадали, бывало, в одно место из разных деревень. Дома для переселенцев строили неплохие, людей зачастую вывозили уже из хат-развалюх.

Яков Кенигсберг: Население к отселению относилось по-разному. Мужчины были

недовольны, когда стали отселять (кстати, впервые в мировой практике) беременных женщин и маленьких детей. Они остались без женского глаза. Готовить надо самому, стирать надо самому – непривычно.

У тех, кого эвакуировали, психологическое состояние было очень тяжелое. Представьте, подгоняют автобусы, грузовики и говорят людям, чтобы все бросали, брали только самое необходимое. Бывало, увозили далеко, а бывало – в пределах одного района. Поселят, а потом дальше эвакуируют, снова перевозят. В деревне Бабчин незадолго до аварии был построен животноводческий комплекс. Деревню эвакуировали, а комплекс – нет, и люди ездили туда вахтовым методом. Были и фаталистические настроения. Например, в тех деревнях, которые оказались прямо у проволоки 30-километровой зоны отселения. Люди думали: ну да, рядом опасная зона, но наш дом цел, хозяйство есть, а там будет видно.

Пост военной автоинспекции
вблизи Чернобыльской АЭС.
Май 1986 года

«НА ДУШЕ БЫЛО ДЕРЗКО...»

Виктор Ловгач: Реактор Чернобыля я видел с борта вертолета. Это уже было, когда все немножко успокоилось. Но саркофага еще не было, все было открыто. Мне было не так страшно, как любопытно. Кстати, полешуки привыкли к экстремальным условиям – ежегодные паводки приучили к трудностям. И когда летали к реактору, то никаких мер предосторожности не предпринимали.

Говорили, что красное вино выводит радионуклиды из организма, и «Каберне» в Гомель привозили много. Снабжение тогда значительно улучшилось. Время-то было

очень бедное. Изменились условия труда. В 30-километровой зоне день шел за два или три обычных, и оплата была в полтора раза больше, даже командировочные.

Но люди из столицы зачастую боялись приезжать на Гомельщину. Я помню, приехала съемочная группа из Минска, и шофер категорически отказался ехать в загрязненные районы. Пришлось мне дать машину, чтобы они смогли поехать. Большинство кадров, которые остались в истории, я убежден, были сняты гомельскими журналистами и операторами, в частности Юрием Скребневым, собкором Белорусского телевидения по Гомельской области. При этом практически не было запретных тем, цензуры при освещении событий.

Был такой случай. Мы ехали с одним крупным руководителем, доехали почти до самой зоны, он сказал: «Виктор, зачем нам туда ехать? Давай сядем здесь, перекусим, подыдем по чарке и поедem обратно». То есть люди по-разному реагировали.

Серьезных случаев мародерства не было, мелкие бывали. Когда началось дачное строительство, то использовали какие-то детали брошенных домов. Но не более того. Потом зону обнесли проволокой, и это все прекратилось.

Яков Кенигсберг: Конечно, для населения радиация была как темный лес. Нас всех, то поколение, воспитывали в страхе перед атомной войной. В городах были повсеместно бомбоубежища, проводились занятия по гражданской обороне. Тех, кто служил в армии, всех готовили к боевым действиям в условиях радиоактивного загрязнения. Поэтому слово радиация у людей ассоциировалась со смертью. И когда еще до чернобыльской аварии людям пытались разъяснить, что у радиации есть и хорошие стороны, что ее используют в медицине для лечения людей, то это воспринималось с трудом. В деревнях самое лучшее разъяснение было одно: мы измеряли приборами и показывали людям, что в их доме или рядом с домом накопилось радиоактивное загрязнение. В деревнях любили всякие плюшевые или бархатные шторы, поэтому мы просили жителей выбросить их или постирать. Приходилось объяснять, что не нужно из огорода в сапогах ходить к себе в дом. Во многих деревнях на Полесье в теплую погоду люди любили ходить в

обычных тапочках. Дороги пыльные, пару человек таких даже специально останавливали и показывали прибором, сколько у него радиоактивной пыли на тапочках. Еще включали специальный звук, такой трескучий. Потому что слова порой не действуют, а наглядно – совсем другое. Можно же было от этой пыли и ожоги получить.

Некоторые партийные работники из Гомельского обкома рассказывали, что после многодневных командировок по загрязненному району у них ноги были красные, как у гуся. Они ведь носили шерстяные костюмы, а нужно было только хлопчатобумажные. Соответственные требования и к другой одежде, потому что все налипает. И многие пожарные, которые работали на самой станции, умерли не столько от острой лучевой болезни, сколько от бета-ожогов

Строительство могильника для захоронения радиоактивных отходов и зараженной техники. Гомельская область, лето 1986 года

кожи. Брызги вместе с частицами попадали на одежду, а это брезент обычный, и за счет бета-излучения получались натуральные ожоги. Лечить их очень тяжело.

Панику в основном нагнетали западные «голоса». В Хойниках мы поймали одну из таких «новостных» передач, в которой сообщалось, что на территории Беларуси и Украины стали копать большие рвы для захоронения погибшего населения. А на самом деле – бульдозерами, экскаваторами выкапывали большие траншеи для захоронения отходов.

В Хойниках вспыхнула паника, когда солдаты стали обочины лопатами разгребать, с части домов снимали крыши, особенно соломенные, затем даже шиферные. Но особо панические настроения вызвало то, что при замене старого подгнившего забора, который насобирав уйму вредных

частиц, отступили от края кладбища на пару метров. Люди подумали, что кладбище расширяют.

Алексей Камай: Хорошо, что инструкции не достали из сейфов. Эти инструкции были рассчитаны на случай возможного взрыва атомной бомбы. Но здесь была особая ситуация. Разрушений физических больших в общем-то не было, а зона радиоактивного загрязнения была значительная. Произошел выброс очень многих тяжелых элементов. Такие населенные пункты, как Молочки, Чамково, Круки, были загрязнены настолько, что даже трудно представить. Мне люди говорили: «Что ты, секретарь обкома, меня агитируешь уезжать? Что случилось? Я знаю, война была, так там убивали, били, а здесь что-то парит в воздухе, ну и пусть парит!» Такая психология у человека, раз не пахнет, не горит, то и опасности никакой нет.

Штаб гражданской обороны был в руках у военных: МЧС же тогда не было. Поэтому у военных были все технические средства, средства радиационной защиты, контроля, возможность развертывать медицинские палатки, обеспечивать обслуживание населения. Взаимоотношения строились просто. Обо всех решениях, которые принимались в обкоме партии, в облисполкоме или военными, мы взаимно друг друга информировали, согласовывали их.

Сразу после отселения отдельные случаи мародерства появились, но органы МВД были мобилизованы, организованы ночные патрули, дежурство военных. Несколько раз поймали за руку, но не то чтобы судилища, даже суда не было. Органы внутренних дел очень сильно сработали. Потом были случаи, когда избы, сараи разбирали – пришлось вернуть патрули, чтобы не развозили радиацию.

Вы знаете, довелось слышать сказки о показушных визитах. Даже бытовала такая легенда, что Слюньков с собой повара возил, – это ложь в высшей степени. Он ел со

всеми в брагинской столовой, мыли руки обычной водой. Ни медиков, ни поваров с собой не возили.

Первого мая на демонстрацию в Гомеле из Минска приехал мой сын с невесткой и внучкой, приехала дочь из консерватории. И моя жена была здесь рядом. А сплетни пошли, что семьи отправили из Гомеля подальше. 8 мая на торжественном заседании, посвященном Дню Победы, я искренне сказал, что ситуация была тяжелая, но самое худшее уже позади, остановили поднятие температуры в реакторе. Кто-то из зала сказал: «А жен-то все равно отправили!» Я попросил свою жену и супругу председателя облисполкома подняться. Они поднялись, в зале аплодисменты. Конечно, на душе у них было дерзко, но я благодарен своей супруге, она не ныла. Никогда не ставила вопрос о том, чтобы уехать. Наоборот, она специально больше гуляла, ходила по магазинам, чтобы ее видели, чтобы не было этих сплетен, будто семьи руководства уехали. Супруга терпеливо несла эту ношу, без всякого уныния.

Ликвидаторы проходят дозиметрический контроль после работы в зоне аварии на ЧАЭС. Май 1986 года

СДЕЛАЛИ ВСЁ, ЧТО МОГЛИ

Виктор Ловгач: Оценки и рекомендации, даже некоторые прогнозы развития последствий аварии осуществлялись поначалу в виде отдельных записок и писем работников министерств и ведомств, ученых. По причине противоречивости, отстаивания местнических интересов их, как правило, было трудно состыковать. Вот почему первый секретарь Гомельского обкома партии А.С. Камай даже на первом этапе ликвидации последствий чернобыльской аварии ставил вопрос о малой эффективности разрозненных предложений, считал, что они не выводят на целостную радиологическую концепцию по защите населения от вырвавшегося из-под контроля атома. Нужна была комплексная программа ликвидации последствий аварии. Такой документ по поручению ЦК КПБ и Совета Министров республики Академия наук БССР подготовила только в апреле 1989 года.

Но мы и не ждали каких-то инструкций. Проявляли смекалку каждый на своем посту. Когда вывезли детей далеко, в 30 регионов СССР, я решил, что надо как-то показать родителям, как себя чувствуют дети.

Связались с этими регионами и попросили их присылать видеопленки, чтобы по телевидению показать родителям. Мы назвали эту передачу «Не волнуйся, мама», и она выходила почти ежедневно, была самой рейтинговой, как сейчас говорят.

В январе 1990 года Беларусь посетили представители международных организаций по здравоохранению и атомной энергетике. Они подтвердили, что введенные в республике санитарные нормы по содержанию радионуклидов в продуктах питания соответствуют европейским конвенциям.

Сегодняшнему поколению с его потребительской культурой было бы труднее, потому что тогда люди были воспитаны по-другому, больше готовы к мобилизации, к самопожертвованию. И случаев паники, бегства было очень мало.

Алексей Камай: Мы инициировали создание в Беларуси Государственной программы по ликвидации последствий аварии. Сначала сделали такую программу по Гомельской области, затем она легла в основу республиканской, а та, в свою очередь, стала основой союзной программы.

Я сам шесть раз был в зоне Чернобыльской станции. Внутреннего страха не было, а было какое-то раздражение, что государство не смогло выстроить такой технический уровень контроля, чтобы не допустить подобных катастроф. Понятно, когда атомная или водородная бомба взрывается, а тут вдруг – мирный атом... По недосмотру, по бездеятельности. Ведь есть ученые, специалисты с большой зарплатой, контроль Госпроматомнадзора. А когда стали изучать, то выявили множество недоработок.

На XXVIII съезде, в 1990 году, я был председателем комиссии по Чернобылю. И вот с чем столкнулся. Президент АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда, «автор» атомной электростанции академик Александров на клочке бумажки пишет Горбачеву, что отселение 30-километровой зоны создает в полном смысле большую гарантию: никаких нагрузок радиационных на население за пределами зоны не будет. Когда я выступал на съезде с докладом, Горбачев ушел из президиума, стоял за

Свинцовые щиты на кабине автомобиля, работающего вблизи места аварии на ЧАЭС

кулисами. А я высказал ему упрек в недоверности информации по Чернобылю. Ведь были эксперты в этой области. Скажем, из Института биофизики АН СССР, специалисты в области радиационной медицины. Или генерал-полковник Владимир Пикалов. Я его видел на шестые или седьмые сутки после Чернобыля, когда он появился весь красный: он потом скончался от полученного облучения. Или академик Юрий Израэль, специалист в области метеорологии и экологии. Можно было более детально обобщить информацию об авариях на атомных станциях в других странах. Но выступление Горбачева 14 мая по телевидению было убаюкивающим. Оно серьезно подорвало доверие и к руководству страны, и к партии. Мы-то видели, какая ситуация. Мы видели и эту пыль, и слезы, и горе людей. Сам Горбачев приехал в Гомель только в 1991 году, доехал до Ветки, развернулся и направился в Быхов, где и выступал. Когда Рыжков приехал в Гомель, он своими глазами увидел ситуацию, и очень много сделал доброго для Гомельщины. Лигачев, в том числе и на заседаниях Политбюро, насколько я знаю, очень круто ставил вопрос о ликвидации последствий чернобыльской аварии.

В 1986 году в информационном противоборстве ситуация еще была спокойная. Шумиха началась в конце 1988 года. Пошли слухи, сплетни, подбрасывали несуществующие вопросы. Стали спрашивать о порядке отселения. Должен разъяснить, как это все решалось. По каждому человеку записывали все его данные, кем работает, куда хочет поехать. Вносили предложения в Совет Министров, принимали решение, и каждый переселенец расписывался. Но нашлись люди, которые новые квартиры отдавали детям, возвращались в загрязненную зону и предъявляли претензии. На этой волне начали говорить, что руководство партии, не считаясь с мнением людей, решало эти вопросы, как ему выгодно. Много спекуляций было вокруг продуктов питания. Но в Беларуси, да и нигде, загрязненные продукты не поступали в продажу. Мы разъясняли гражданам, показывали, но слухи распространялись. Этим пользовались определенные политические деятели, которые уже к тому времени попали в парламент или только готовились. Были

попытки и меня втянуть в это. Но я в такие игры не играю.

Как за ошибку я себя корю за демонстрацию 1 мая. Хотя все объективные данные подтверждают, что угрозы не было. Но надо было в те времена дать информацию об этом, привести фамилии тех руководителей, которые дали добро на проведение демонстрации. Нужно было более настойчиво добиваться от верхов, чтобы их сведения были достоверными. Потому что такая информация создавала паническую обстановку и атмосферу недоверия. Я говорил об этом и в Минске, и в Москве, но на закрытых заседаниях. Наверное, следовало делать это открыто.

Группа военнослужащих, участвовавших в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Лето 1986 года

Эти уроки Чернобыля должны быть учтены. За сделанное на Гомельщине я себя не корю ни в чем. Все, что было возможно, мы делали. Выбывали, доставали, добивались. Ведь изначально планировалось, что газопровод пройдет за пределами Гомельской области. Удалось договориться в ЦК КПСС и Совете Министров СССР, при помощи Слюнькова и Рыжкова, чтобы этот газопровод был повернут и прошел через Рогачевский, Чечерский, Кормянский, Гомельский, Речицкий, угол Лоевского, Наровлянский районы, и газифицировать эти места.

Яков Кенигсберг: Специалисты подробно разбирались в причинах аварии. Произошло сочетание трех факторов. Во-первых, это конструктивные недоработки самого типа реакторов. Во-вторых, проведение эксперимента, который не был, как положено, согласован с разработчиками реакторной установки. В-третьих, уже непосредствен-

но человеческий фактор. Хотя мое личное мнение, что та смена, на которую всё списали, ни в чем не виновата. Ребята здесь ни при чем. Реакторы РБМК не так просты в управлении, как современные реакторы, там очень много ручной работы, слежения за приборами, требующего быстрого реагирования. И там профессионалы очень хорошие работали. Но на человеческий фактор всегда легче списать. Им приказали провести эксперимент. Он заключался в том, чтобы посмотреть, сколько будет работать турбина на холостом ходу, пока продолжат идти пар, при большом снижении мощности реактора, почти его остановке. Получилось так, что реактор загнали в состояние, когда восстановить его работу было очень тяжело. Случился первый тепловой взрыв, системы управления и защиты вышли из строя и стержни из-за деформации каналов не смогли опуститься вниз, в результате реактор просто разнесло.

Чернобыльский реактор не имел корпуса, а имел графитовую кладку, куда опускались тепловыделяющие элементы. Графит служил и дополнительным замедлителем, и регулируемыми стержнями. В Чернобыле не было никаких защитных колпаков, как на современных станциях. Реактор находился в обычном здании. Причем в одном здании помещалось сразу два блока. Всего должно было быть шесть. Пятый и шестой блоки достраивались. Третий и четвертый разделяла только стена. Была даже общая вытяжная труба. Все для удешевления делалось. Отсюда и возникли проблемы. Там произошел взрыв, даже два или три, с пожаром, с горением графита, с разбросом топлива по большой территории, выбросом радионуклидов на большую высоту, поэтому их и носило по всему земному шару.

В Советском Союзе была мощная наука по вопросам радиационной защиты – жизнь заставила. Специалисты были очень хорошие, во многом даже превосходили западных. Делегация СССР с момента создания в 1957 году Научного комитета по действию атомной радиации ООН участвовала в его работе. Кстати, это единственный научный комитет в системе ООН, что подчеркивает, какое значение международное сообщество придает изучению атомной радиации. После чернобыльской аварии многие специалисты давали прогнозы, что может произойти,

которые в целом оправдались. В частности, речь шла о проблемах со щитовидной железой. Но был вопрос о количестве таких случаев. Это зависело от того, сколько было выброшено йода. Нужно было разобраться, какие дозы получили люди. Все остальное предсказывало: рост онкологических заболеваний будет незначительным, если будут предприняты те меры, которые были назначены как первые после аварии.

К сожалению, в чернобыльскую тематику пришло много людей, которые раньше радиацией не занимались. И они стали для себя открывать «америки». Литературы они не знали, сами этим не занимались, понесли отсебятину. Эти новые люди начали всюду кричать, что мы на краю гибели, что малые дозы – это очень страшно, а большие еще страшнее. Это противоречило всем мировым наработкам. Но многие люди были крайне заинтересованы в раздувании огня. За этим стояли деньги, слава, места в парламенте, органах власти, абсолютно необоснованные, с моей точки зрения, льготы, академические звания и т.д.

Приведу любопытный пример. В августе 1986 года в гостинице «Турист» в Гомеле был довольно большой сбор ученых, которые изучали радиацию. Там приняли, по предложению одного московского профессора, негласное решение в течение пяти лет после аварии не защищать ни кандидатские, ни докторские диссертации по чернобыльской тематике. Нужно отдать должное, все, кто присутствовал там, выполнили эту договоренность и сами, и их ученики, и их научные коллективы. Такой мораторий был выдержан. Была научная этика, совесть.

В 2002 году правительства Беларуси, России и Украины обратились в ООН с тем, чтобы к 20-летию аварии подвести итоги. Генеральная Ассамблея ООН поддержала эту инициативу, созвав Чернобыльский форум. Было признано, что действия властей СССР были в основном адекватными сложившейся ситуации.

Что не успели сделать? Еще задолго до аварии был издан документ «Критерии принятия решений по защите населения в случае аварии на атомных электростанциях». И под него были разработаны соответ-

Алла Пугачева выступает перед ликвидаторами последствий аварии на ЧАЭС. 8 сентября 1986 года

ствующие планы по гражданской обороне и действиям властей. Такой план лежал во всех областях СССР, которые примыкали к атомным электростанциям. У нас – это Гомельская область. Инструкция лежала в сейфе начальника гражданской обороны области. Но она не была введена в действие. Потому что не было команды. Там все было прописано, что и при каких критериях необходимо делать. Единственно, что сделали – эвакуировали город Припять и раздали жителям этого города таблетки.

Но многое и удалось сделать. Ведь медицинские последствия не так страшны, как некоторые ожидали. Мы мало это объясняем. Были срочно введены определенные нормативы на всё. И доза облучения населения в первый год должна была составлять не более 100 миллизивертов (мЗв). Эта доза в 2–2,5 раза меньше, чем та, при которой у японцев стали проявляться отдаленные последствия в виде увеличения частоты раковых заболеваний. Цифры эти нам были хорошо известны. И теперь весь мир считает, что при дозе меньше 100 мЗв последствий облучения обнаружить не удастся. У нас по Беларуси дозу больше 100 мЗв получило несколько десятков человек, в основном из пределов 30-километровой зоны, там, где решение об эвакуации было несколько запоздалым.

У нас впервые применили меру, которая нигде не была прописана, но оказалась очень эффективной: отселили беременных женщин и женщин с детьми. Из ликвидаторов приличные дозы получили те, кто сразу был брошен на тушение пожара на реакторе. Но были же ограничения. Им поставили дозу ровно 250 мЗв, только после которой у японцев началось небольшое увеличение раковых заболеваний. И за соблюдением этой дозы следили, хотя и не очень хорошо. В Беларуси ликвидаторов насчитывается около 100 тысяч человек. Но они не получили такого облучения. Средняя доза по белорусским ликвидаторам 55–60 мЗв, у россиян – около 100, у украинцев – под 160 мЗв, а у прибалтийцев (три полка было сформировано) доза еще выше.

Да, были ошибки, но мир признал, что действия властей были адекватными. Командная система в этой ситуации сработала, а не было бы такой системы, что было бы?

Беседовал Вадим ГИГИН ─